

с. 2.

Новый рассказ Ант. Чехова.

Помещенный в сентябрьской книжке «Нивы» рассказ г. Чехова «Юнычъ» представляет собою, въ сущности, вариацию на ту же тему о тоскѣ и ничтожности жизни, тему, которая безъ конца повторяется въ особенности въ послѣднихъ произведеніяхъ автора подобно дождевой каплѣ, звучащей тягостное число разъ въ знаменитой прелюдіи Шопена. Уже съ первыхъ строкъ дасть себя чувствовать характерный стиль г. Чехова и его настроеніе. Уже съ первыхъ строкъ мы узнаемъ, что въ нѣкомъ губернскомъ городѣ С. приважіе жаловались на скуку и однообразіе жизни. Какъ пріятное исключеніе въ этомъ скучномъ городѣ являлась семья Туркиныхъ, самая образованная и талантливая. Но изъ хода рассказа оказывается, что вся эта образованность и всё эти таланты семьи являлись лишь однимъ миражемъ въ пустынѣ, не способнымъ утолить жаждущаго скитальца. Юнычъ, герой рассказа,—докторъ Старцевъ. Дмитрий Юнычъ; его назначили земскимъ врачомъ въ эти скучныя и однообразныя мѣста. Онъ познакомился съ семьей Туркиныхъ и даже влюбился въ дочь Туркиныхъ. Въ ней было обаяніе молодости. Она весело смѣялась, потомъ вдругъ задумывалась, срывалась, убѣгала куда-то, опять появлялась и приносила съ собою очарованіе мая. И это были лучшіе дни въ жизни доктора. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но она отказала. И вотъ проходитъ четыре года. Они опять встрѣчаются. Но уже отъ нея не вѣетъ прежнимъ обаяніемъ. Миражъ исчезъ. Докторъ доволенъ, что на ней не женился. А потомъ проходятъ еще годы и еще годы. Докторъ постарѣлъ; огрубѣлъ, сталъ совершенно невнимательнымъ. О своей юношеской любви вспоминаетъ равнодушно и больше интересуется обществомъ взаимнаго кредита, гдѣ торгуетъ домъ для себя. Однимъ

словомъ, проза, скука, однообразіе жизни. Былъ свѣтлый моментъ (въ жизни кого онъ не бываетъ?), но онъ исчезъ, погасъ и о немъ даже не сохранилось пріятнаго воспоминанія.

«Какъ мы проживаемъ тутъ?»—говоритъ докторъ. Да никакъ. Старимся, познѣемъ, опускаемся. День да ночь, сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ общества картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ!..

И это жизнь? И не лучше ли смерть, покой небытія, чѣмъ такая жизнь?

Въ рассказѣ г. Чехова есть прекрасныя строки—описаніе кладбища. Старцевъ ходитъ въ лунную ночь по аллеямъ кладбища. Его окнатываетъ эта поэзія міра, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но гдѣ въ каждомъ темномъ тополоѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обещающее жизнь тихую, прекрасную, вѣчную. «Отъ плоти и увядшихъ цвѣтовъ вѣетъ съ осеннимъ запахомъ листьевъ, вѣетъ прощевіемъ, печалью и покоемъ». Минуту онъ думаетъ, что здѣсь не покой и не тишина, а глухая тоска и подавленное отчаяніе, но, вѣдь, это только минута. Здѣсь действительно, лишь покой и тишина. Тоска же и отчаяніе только въ жизни. Отчаяніе подавленное, тоска безграничная. И чѣмъ человекъ чувствуетъ и мыслитъ больше, тѣмъ больше эта тоска.

И ни одного просвѣта, ни луча надежды въ этомъ мракѣ. Никакой возможности уйти отсюда. Единственный выходъ—это кладбище, такъ опоэтизированное Чеховымъ съ его шелестомъ осеннихъ листьевъ и луннымъ свѣтомъ, скользящимъ по могильнымъ плитамъ. Что-жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, это единственный выходъ изъ безцѣльной и скучной жизни?

Н. Г. В.

С. П. Герцо-Винogradский